

Б

абку-попрошайку по прозвищу Сынадоча в девяностые годы знали все торгующие на Центральном рынке города и многие из его покупателей. День в день, в любую погоду она отсиживала долгую смену за главным рыночным входом, на самом оживленном и хлебном месте.

Еще до открытия рынка к его кованым воротам бабку с шиком подвозил на бэушных «жигулях» ее внук — здоровяк лет под тридцать. С кряхтением, цепляясь за его локоть и помогая себе клюкой, Сынадоча выгружалась с заднего сиденья, а из багажника доставался деревянный ящик, обитый металлическими полосами, и телогрейка без рукавов, для комфорта подстилаемая под пятую точку.

Едва ворота отворялись, бабка тотчас оказывалась на торговой территории. Проковыляв шагов пять-шесть, умащивалась на личном подобии табурета, причем зад ее, про который одна языкатая лоточница заметила, что его «кобель в три дня не обежит», тяжелым, обернутым в юбки студнем свисал с ящика по всему периметру.

Вдовий черный платок на голове; на плечах поверх темной, едва сходящейся на неохватной талии кофте, битая молю шаль; ноги под бесчисленными юбками в шерстяных носках и глубоких калошах — в таком наряде Сынадоча щеголяла круг-

лый год. Впрочем, летом она обходилась без шали, в холода же облачалась в ядовито-зеленого цвета мужскую куртку и надевала грубые варежки.

Картонных коробок или иной тары для дензнаков бабка не признавала, предпочитая выхватывать купюры прямо из участливых рук. Прозвище же свое получила из-за того, что, выбрав в людском потоке жертву, цепко ухватывала ее за пиджак или юбку длинными обезьяньими руками и принималась жалостливо клянчить: «Сына!», либо «Доча! Не проходи мимо, помоги бабе!», — не выпуская пойманной одежды.

Получив купюру или монету, Сынадоча униженно кивала головой, приговаривала: «Благодарствую, благодарствую...» — и истово крестилась.

Надо отдать должное: психологом попрошайка была превосходным. Выклянченные деньги жадные руки немедленно рассовывали по подшитым с внутренней стороны кофты накладным карманам. Подавали ей щедро, и почти каждый час Сынадоча сдавала насиженное место под приглядом торговки газетами, удаляясь в платный туалет. Она единственная из посетителей рынка прорывалась туда беспошлинно. Операторы устали скандалить с наглой побирушкой, кричавшей, что ей по старости положена бесплатная льгота. А если нет, так она оправится прямо в туалетном коридоре.

В кабинке бабка перекладывала пачки мятых купюр в иные «карманы»: куски старых чулок, нашитых поверх рейтузов огромного размера. К вечеру Сынадоча чудовищно разбухала, напоминая колокол, и подбиралась внуком перед уже запертыми рыночными воротами.

Иногда бабке вместо наличных вручали что-нибудь съестное: булочку, чебурек, какой-то фрукт... В таких случаях Сынадоча не благодарствовала и не крестилась, а как только подавший натурой скрывался из поля зрения, с остервенением швыряла еду наземь, желчно бурча:

— Деньги давать надо, идиеты пр-р-роклятые!..

Порой кто-то из проходящих мимо — чаще пожилые женщины — пытался пристыдить бабку, упрекая ее, что она наверняка получает пенсию, так не стыдно ли христарадничать... Тогда попрошайка замахивалась на пенявшую суковой клюкой и злобно выкрикивала:

— Пошла на хрен, пр-р-роклятая!..

Впрочем, однажды дело криком не ограничилось. Тогда невдалеке облюбовала себе место пожилая нищенка-бомжиха. Завидя ее, Сынадоча напыжилась, выплонула жвачку, постоянно смакуемую для притупления чувства голода (бабка на рынке не обедала — экономила), и сузила без того узкие поросячьи глазки. Тяжело поднялась и, опираясь на клюку, проковыляла к конкурентке.

— Пошла вон, пр-р-роклятая!

— А ты кто такая меня отсюда гнать? — огрызнулась незваная гостья.

— Это мое место!

— Твое — там, — ткнула грязным пальцем в направлении окованного ящика бомжиха, — а это — моё. Рынок большой.

И тут Сынадоча обрушила на ее голову и плечи верную клюку. Била исступленно, с хэканьем, матерясь. Наверняка покалечила бы, не оттащи ее прохожие. Подоспевший милиционер, уже знакомый с неадекватной бабкой, связываться с ней поостерегся. Ушел, напоследок бросив:

— Сами разбирайтесь!

И бомжиха позорно бежала...

Впрочем, недолго рядом с Сынадочей обреталась другая нищенка: бабка пустила ее в свои владения, с условием, что «квартирантка» будет отдавать ей половину добытого сбора. Однако рэкетирша каждодневно бранилась, обвиняя соседку в утаивании все возрастающих, по ее мнению, сумм, так что устный договор был со скандалом расторгнут.

Как-то Сынадоча пропала на полмесяца, и соседки ее терялись в догадках: уж не померла ли? Но вот бабка вновь объявилась на рынке и разъяснила, что у нее прихватило сердце. А в больнице, мол, «все врачи пр-р-роклятые, и сволочная санитарка дерьмо не выносит, покудова ей, гадине, столько не отслюнишь».

И вновь принялась за свой специфичный «труд». По мнению тех же соседок, Сынадоча ежедневно снимала урожай от пяти тысяч «деревянных» и больше. Впрочем, по понедельникам рынок работал лишь до обеда, и попрошайка не раз досадовала на скромный в те дни улов.

— Куда ей столько? — завистливо обсуждали женщины чужие деньги. — В могилу разве забрать...

Однажды июльским полднем, в самый разгар своей попрошайнической страды, бабка урвала очередную купюру и вдруг, не донеся ее до внутреннего кармана, разом оцепенела, сиюсья что-то сказать подавшей деньги даме, а потом завалилась набок.

Возле родного ящика она и успокоилась навеки. С зажатой в ладони голубой сторублевой, в которую мертвой хваткой вцепились скрюченные пальцы с давно не стриженными ногтями. С открытым ртом и прилипшей к зубам жвачкой. С задравшимися юбками и явившимися на обозрение потайными, набитыми банкнотами карманами на голубых до колен рейтузах.

...Через месяц после кончины Сынадочи продавщица хлебобулочных изделий, рядом с чьим киоском при жизни ставила свой окованный «табурет» усопшая, признала в очередном покупателе ее внука. Не дружа с чувством такта, подковырчато поинтересовалась:

— Ну и как, много миленов-то покойница оставила?

В ответ тот в сердцах произнес:

— Ага, накося, выкуси! Сука брехливая! До скольких раз пусторюмила: мол, тебе, внучек, на заграничную машину почти прикоплено! Погоди чуток, ужо оделю! Так мы до сих пор и единого рубля у нее в хате не нашли... А я-то, дурак, жвачки ей упаковками покупал, да вставал каждый день чуть свет, сюда вез. Еще и за бензин осталась должна, чтоб ей на том свете в аду гореть!..

Здоровяк смачно выругался, сплюнул и убрался от ларька, забыв про хлеб.

Выходит, сбылось пророчество рыночных торговек — все накопленное Сынадоча унесла с собой в мир иной?

P.S. Через двадцать лет после смерти Сынадочи родственники наконец продали ее частный дом (раньше его сдавали меняющимся квартирантам, а потом в нем долго обитался выросший правнук усопшей). Добавили порядком своих средств и купили четырехкомнатную квартиру в растраивающемся микрорайоне.

Новый хозяин старого жилья, приобретенного под дачу, — полковник в отставке, мужик додельный, начал благоустройство с разбора огромной компостной кучи в углу двора. Там, в самой глубине, и нашлась картонная коробка из-под микроволновки, набитая тугими пачками, завернуты-

ми в мутный полиэтилен. Сладко ныло сердце отставника, нервно дрожали его руки, а лицо покрылось бисеринками пота, пока, поддев секатором (торопился — даже не пошел в дом за ножом), срывал он с одной из пачек грязный пластик...

Ящик до краев был набит деньгами! Миллионы, десятки миллионов рублей. Истинное богатство! Но только родом из прошлого. Пачки еще в конце девяностых вышедших из обращения неденоминированных, многонулевых купюр. Целый пуд никчемной теперь уже бумаги!..

Отставник зло и длинно выругался в сизое вечернее небо. Но, верно, куда злее и дольше материлась бы родня Сынадочи, узнай она о финансовой находке. Впрочем, не узнала.

А отставник с досады запалил костер, с ненавистью пошвыряв в длинное пламя обманные пачки. Потом яростно плюнул в огонь и ушел в дом.

И еще долго вился и вился в небо черный дым, словно едкой гарью уходило к Сынадоче все накопленное ею в жизни.

